

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АВТОРИТЕТА

Михаил Кордонский, журналист и педагог, г. Одесса

Предварительная установка

Школа для ребёнка — заветный этап взросления, потому учитель получает первый класс вместе с готовым авторитетом. Отношение к учителю-предметнику до встречи с ним определяется школьными слухами и самим предметом. Руководитель кружка или спортивной секции больше всего надежды возлагает на сам предмет.

Подростки — не дошколята и вообще-то не склонны уважать авансом. Но существование поблизости добровольно коллектива с непонятными, а значит, таинственными порядками, романтичность содержания деятельности клуба, некоторая оппозиция к школе и вообще к официозу, ореол чудака вокруг комиссара делают рекламу, сравнимую разве что со славой уличного короля или тренера каратэ. Процесс этот идёт сам по себе и нужно просто ему не мешать, например, не создавать видимости благополучия отношений со школой. Впрочем, против создания каких бы то ни было видимостей есть более серьёзные аргументы.

Контакт

Первые секунды и минуты общения людей: внешность (в том числе одежда), поведка, а главное — ощущение сочувствия, а затем симпатии. Может, для учителя это не так важно, как для друга, но и не мелочь. Другое дело, что с этим не управиться: школьному учителю ещё можно порекомендовать надевать на работу галстук (или, наоборот, джинсы), комиссару лучше

всего оставаться самим собой. Просто нужно знать своё впечатление, как правило оно положительное. При наборе новичков в клуб или кружок больше толку даёт одно появление, чем сто объявлений.

Становление

Это самый длительный и самый плодотворный, в смысле обучения, этап.

В его течении ученик получает от учителя максимум ИНФОРМАЦИИ в широком смысле этого слова — в том числе эмоциональной. Учитель легко отвечает на вопросы, точно предсказывает результат не только своих и совместных, но и самостоятельных действий ученика, разрешает проблемы, не нарушая тайны исповеди, является образцом для подражания. Но эти, важные для всех учителей вообще, свойства для комиссара имеют второстепенное, после искренности, значение.

Общее правило — не разыгрывать спектаклей — граничит здесь с дидактикой, которая в некотором роде спектакль. Электрический ток удобно представлять течением электронов, более точные описания свергнут детей в скуку. Но если возникает хоть малейшее сомнение ("А папа сказал, что электрический ток — направленное перемещение электрических зарядов под действием... и т.д.), то стоит немедленно покаяться во всём вплоть до уравнений Максвелла. Если же спрошено будет, что из этого поймёт ребёнок, можно ответить: поймёт, что комиссару нечего скрывать.

Вопросы «Правда ли, что вы нас хитро воспитываете, и как?» или «Что такое импотент?» так же естественны, и попытка утаить ответ от детей, тонко чувствующих

фальшь, никому не пойдёт впрок. Напротив, чем каверзней вопрос, тем паче чистосердечное признание сблизит комиссара с ребёнком, причём из семантического содержания ответа подросток воспримет ровно столько, сколько ему в данный момент надо, чтобы не ранить неокрепшую душу преждевременным знанием (по известному русскому принципу: дурак не поймёт, а умный скажет, что так и надо). Ограничения искренности могут касаться личных секретов, когда разговор опасно заворачивает в эту сторону, можно прекратить его объявлением тайны.

Ещё одно важное отличие положения комиссара от других учителей состоит в стиле управления. Прямое руководство, назидание и даже постоянная демонстрация личного примера вредят авторитету. Но позволить детям учиться только на своих ошибках — другая крайность: они станут примерять каждый гвоздь ко всем стенкам и ничего толком не построят. Клуб не должен дублировать ни школу, ни кружок, у него нет жёсткой программы которую надо, кровь из носу, преподавать. Научить самостоятельно принимать решения, действовать и отвечать за это куда важнее, чем ремеслу. Что-то построить всё-таки надо, ведь за основное занятие клуба выдаётся работа на внешний мир, но что построить и в какие сроки — это выбирает сам клуб. Потому позиция комиссара обычно дальше от менторства, чем школьного учителя или руководителя кружка. Выбрана таковая не ради авторитета и сдвигать её для укрепления авторитета не стоит, но свою положительную роль она играет.

Авторитет комиссара в этапе становления неуклонно растёт и достигает наивысшего значения.

Сотрудничество

Сопоставления со школой здесь кончаются: высшее образование не позволит учителю сравняться с учеником в знаниях, а жизненный, в том числе нравственный, опыт ученика и учителя к концу обучения оказывается в разных измерениях и сравнению не поддаётся. Комиссары же нередко дилетанты в ремесле, выдаваемом за основу деятельности клуба, а ещё чаще сама эта деятельность немыслима вне дилетантства.

Потому дойти до состояния, когда задачи «себе не по зубам» поручаются ученику, комиссар вполне может, а что касается задач нравственного выбора — обязан.

Сотрудничество начинается, когда клуб впервые принимает решение, не повторяющее предложенного комиссаром. Задачи этапа можно считать выполненными, если такая ситуация стала повседневной и никого не удивляет. Комиссар не растворяется в клубе, значительная часть удачных предложений остаётся за ним, но он может отключиться от весьма сложного дела, взять отпуск вплоть до нескольких месяцев — клуб при этом движения не теряет.

Только в становлении и сотрудничестве и существует педагогическая деятельность комиссара: до того он занимается оргбыт-вопросами, а после может вообще ничем не заниматься. Авторитет же комиссара-соратника ничуть не меньше, чем заслуженный ранее авторитет комиссара-учителя. Для его упадка нужен более серьёзный повод, чем равенство знаний или умений.

Развенчание

Такой повод возникает, когда ученики, доучившись по уровню обобщений решению производственных задач, начинают переносить это умение на задачи жизненные и замечают, что полезность внешнему миру, к которой все на словах стремятся, нередко ограничивается именно комиссаром. При попытках изменить это демократическим путём наблюдается поразительная осведомлённость комиссара о результатах завтрашнего голосования. Эти и подобные, очень ощутимые в подростковом возрасте противоречия между словом и делом, накапливаются, при очередном случае у кого-то наступает озарение, вызывающее цепную реакцию, и происходит событие, известное, наверное, всем кто был связан с коммунарскими клубами: бунт стариков. В бурном потоке бунта всплывает, что комиссары, прикрываясь красивыми лозунгами и ловко создавая видимость демократии, хитро управляют клубом для осуществления каких-то своих

целей. О том, каковы эти цели, могут возникнуть споры — общее мнение возникает редко. Но каждому ясно, что гнусные, поелику цель определяет средства, а средство — обман.

(Нравственная проблема здесь есть, и далеко не бесспорная. Можно надеяться, что комиссары не до глубины души верят в свою правоту.)

В развитии бунта авторитет комиссара падает до нуля и на этом не останавливается. Некуда деться от отрицательного авторитета, основанного на личных недостатках комиссара, его сомнительных или неудачных решениях. Но и это не всё. Бунт не только высвечивает все шероховатости и трещины в построенной комиссаром дороге, но, как уж водится, изменяя глубину трещины ломом, расковыривает порядочную яму. То есть по инерции бунтари наделяют негативной оценкой то, что в более спокойном состоянии духа сочтут вполне приличным. Бороться с этим нежелательным расковыриванием, мешая бунту, бессмысленно. Единственное противоядие — всю дорогу работать чисто, чего, конечно, всем хочется и никому не удаётся. Во всяком случае следует думать, чувствовать, стараться не упускать мелочей, особенно тех, что связаны с понятием справедливости, и вообще не небрежничать, ибо возмездие грядёт.

Принимая самые причудливые формы, бунт может свергнуть комиссара, ограничить его права, расколоть клуб на два или больше и многое-многое другое. Пока всё это происходит, комиссар может отдыхать с чувством глубокого чего угодно. После развенчания авторитет комиссара занимает крайнее нижнее положение. Затухание бунта знаменует начало или продолжение работы со следующим поколением.

Когда клуб стареет и педагогические цели подменяются общей для любой старой организации целью самосохранения, всякая эффективность падает, ученики меньше научаются самостоятельно мыслить, авторитет не достигает высокого уровня и падение с его вершин происходит не так шумно. Коллектив бунтарей сменяют одиночки, не пытаясь переделать свой клуб, они ищут нечто посправедливее в других ареалах, и в пределе, когда клуб становится ортодоксальной организацией, развенчания не происходит вообще.

Прощание

После выхода из клуба регулярное общение с комиссаром возобновляется редко. Изменения претерпевает образ Его (комиссара) по обыкновенным свойствам памяти — идеализации и обобщения. Приписываемые комиссару грехи стираются ввиду осознания, имевшие место — ввиду прощения, а воспоминания о тёплых чувствах дополняются благодарностью за всяческую науку. Авторитет медленно переваливает нулевую отметку. Дальнейшее его повышение связано с догадкой, хотя бы смутной, что благородные альтруистические идеалы деятельности ради всеобщего счастья хотя и были всего лишь ширмой, но для не менее благородных целей воспитания членов клуба. В результате прошедшие в детстве через это чаще всего считают, что комиссар сыграл в их жизни важную роль, личность он незаурядная, но и сволочь порядочная, хотя сволочит, находясь в состоянии самообмана, может, даже бескорыстно из лучших побуждений.

Обычно положительный авторитет, не сравнимый, конечно, с тем, что был при сотрудничестве, стабилизируется через 3-6 лет после выпуска из клуба. Можно предположить, что падение его произойдёт уже в связи с общим атеросклерозом.

Свойство памяти всё обобщать распространяет, в числе прочего, авторитет комиссара на понятие авторитета и авторитарности вообще. У выпускника клуба может быть своё представление о том, что такое демократия, но ни в клубе, ни где-нибудь в другом месте он таковой не видел, а увидев, отнесётся с большим недоверием и начнёт выискивать спрятанный за ней культ, в надежде не позволить впредь «водить себя вокруг пальца» или любого другого предмета, за палец выдаваемого. Именно в состоянии прощения и пребывает ныне большинство людей, прошедших в детстве и юности через коммунаские клубы. **В.Ш**